

Московский педагогический
государственный университет

А. М. Родригес-Фернандес

**ВАХХАБИЗМ И ЯЗЫЧЕСТВО
НА АРАВИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
(XVIII–XX вв.)**

Москва
2019

Александр Родригес-Фернандес

**Ваххабизм и язычество
на Аравийском
полуострове (XVIII-XX вв.)**

«МПГУ»

2019

УДК 299+297
ББК 86.29(536)+86.381-8

Родригес-Фернандес А. М.

Ваххабизм и язычество на Аравийском полуострове (XVIII–XX вв.)
/ А. М. Родригес-Фернандес — «МПГУ», 2019

ISBN 978-5-4263-0756-8

Монография «Ваххабизм и язычество на Аравийском полуострове (XVIII–XX вв.)» посвящена анализу уникального явления в мусульманском мире: сосуществованию на протяжении двух с половиной столетий в аравийском обществе и в среде аравийского населения двух полярных, по сути враждебных религиозных систем: агрессивного ваххабизма – авангарда современного исламизма – и древних языческих верований, культов и обрядов. Книга предназначена для историков широкого профиля, религиоведов, этнографов, студентов гуманитарных факультетов, а также для лиц, интересующихся рассмотренными в содержании проблемами и процессами.

УДК 299+297
ББК 86.29(536)+86.381-8

ISBN 978-5-4263-0756-8

© Родригес-Фернандес А. М., 2019
© МПГУ, 2019

Содержание

Введение	5
Глава I	8
Племена в прошлом (донефтяной период)	8
Племена в постнефтяной период	13
Природно-климатические условия сохранения кочевничества.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

А. М. Родригес-Фернандес

Ваххабизм и язычество на Аравийском полуострове (XVIII– XX вв.) монография

Введение

В общем можно сказать, что целью данного исследования стал анализ религиозной ситуации на Аравийском полуострове. В какой-то степени это справедливо, но нуждается в серьезных уточнениях. Во-первых, территориально прежде всего рассматривается территория Северной и Центральной Аравии с прилегающими регионами современных Кувейта, ОАЭ, частично Омана и Катара. Это, конечно, преимущественная часть Аравийского полуострова, но все же не вся. Автор не рассматривает, например, Йемен, где столетиями происходили весьма специфические общественные и религиозные процессы. Во-вторых, в проблемном отношении целью работы является изучение противостояния радикальной формы салафизма и таухида (жесткого единобожия) с «неверием»¹ и пережитками язычества в бедуинских племенах. Ислам возник в VII в., ваххабитское учение – в XVIII в., но эта проблема язычества и доисламских верований остается актуальной и в настоящее время. В-третьих, учитывая бывшие и современные конфессиональные особенности, необходимо было уделить внимание собственно роли и месту кочевого населения (питательной среды пережитков) в современных нефтедобывающих монархиях.

Когда-то бедуины являлись основной, могущественной и «благородной» частью населения пустынного полуострова, но в современном мире им зачастую отводят место маргиналов, не вписавшихся в новые реалии нефтедолларовой Аравии. А ведь в численном отношении они продолжают составлять многочисленную (около одной трети) часть населения, им по-прежнему присущ древний принцип «племенного превосходства». Более того, так называемые благородные племена стали опорой монархических режимов, потому что из них формировались элитные воинские части, например, Национальная гвардия («белая армия») и т. п.

Таким образом, помимо анализа процесса становления и развития ваххабизма, его теологических и ритуальных отличий, сохранения язычества в среде кочевого населения, в книге необходимо было рассмотреть также положение бедуинских племен в прошлом и настоящем, то есть до и после «великого водораздела» – обнаружения нефти и развития нефтедобывающей промышленности в Аравии.

Для решения поставленных задач были использованы различные по происхождению источники с ярко выраженной спецификой (в области социально-экономической, политической, теологической, ритуальной) и, разумеется, нуждающиеся в сравнительном и критическом анализе.

Для изучения прежней и современной роли племен в общественной жизни Аравии незаменимы были заметки европейских путешественников и воспоминания лиц, посетивших Аравийский полуостров или проживавших там какое-то время. Это могли быть эмиссары европейских правительств, иногда ученые – натуралисты, географы, филологи, в иных случаях коннозаводчики или их агенты. Все эти лица, естественно, не преследовали целей проведения специальных конфессионально-этнографических или социально-экономических исследований. Однако в их путевых дневниках, заметках, отчетах, воспоминаниях содержится огромное количество ценных сведений.

¹ «Неверие» для правоверных – это как раз неисполнение мусульманских заповедей и прежде всего таухида.

Выдающееся место среди этого контингента занимает И. Буркхардт (J. L. Burckhardt). Швейцарец по происхождению, британский подданный, он был движим неукротимой страстью к путешествиям, и Хиджаз, который он изучал в 1814–1815 гг., представлял собой лишь этап в его странствиях. Он собрал обширнейшие сведения об Аравии и жизни арабов на основе личных бесед с хиджазцами и неджеями. И. Буркхардт изучал не только историю ваххабитов, их идеологию и структуру первого государства Саудидов, но и общественные отношения и право как бедуинов, так и оседлых, интересовался формами семьи, собственности, налоговой системой. Большая культура путешественника и широта кругозора, соединенные с научной добросовестностью, позволили ему написать книги, без которых наши знания об Аравии XVIII–XX вв. были бы неполными [34; 35].

Одним из первых европейцев, описавших крупные оазисы и области Северной и Центральной Аравии, а также общественную жизнь их населения, был У. Дж. Полгрев (W. G. Palgrave) [56]. В 1862–1863 гг. он по заданию французского правительства совершил поездку по Джебель-Шаммару, Касиму, Неджду и Эль-Хасе. Его путевые заметки долгое время считались фальсификацией, однако в XX в. было доказано, что Полгрев действительно побывал во всех описанных им областях Аравии, и хотя в его заметках имеется много неточностей, в целом они являются ценным историческим источником.

В 1876–1878 гг. Ч. М. Доути (Ch. M. Doughty), английский путешественник, по образованию геолог, впоследствии археолог-любитель, посетил сердце Аравии – Хиджаз, а затем и соседние оазисы. Он длительное время кочевал с бедуинскими племенами и свои наблюдения и впечатления изложил в двухтомном дневнике [44; 45]. Его заметки, освещающие не только социальную структуру племен, но и их повседневную жизнь, верования и ритуальную практику, представляют для исследователей безусловную ценность.

Ярко выраженные языческие пережитки в быту и конфессиональных представлениях бедуинов описаны в двухтомных путевых заметках английской путешественницы А. Блант (A. Blunt) [31].

Во второй половине XX в., с развитием на полуострове нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, меняется и характер источников. Если ранее авторами были путешественники, политические агенты, археологи-любители, то в последующий период это уже в основном лица, непосредственно связанные с нефтедобычей, обслуживающими отраслями, инфраструктурой – в общем, западные специалисты, часто служащие Арабско-Американской нефтяной компании (АРАМКО). Среди них крупный нефтяник Ф. С. Видал (F. S. Vidal) [65 а], врач на службе у нефтяной компании М. Ш. Чини (M. Sh. Cheney) [39], американский дипломат Х. Армстронг (H. Armstrong) [29 б] и др.

Особое место среди авторов занимает Г. Филби (H. St. J. B. Philby), бывший английский резидент, оставшийся по не вполне ясным причинам в Саудовской Аравии на всю оставшуюся жизнь. По его версии, он полюбил эту страну, этот чужой мир, принял ислам и даже подружился с принцем, а затем и королем Абд аль-Азизом, став его другом и советником. Он написал несколько книг [58–61], где затронул самые разные стороны аравийской общественной жизни, сообщил массу востребованных в арабистике данных и фактов.

В нашем случае специфика источников определяется сферой деятельности и широтой кругозора их авторов. Правда, их взгляды во многом идентичны: по большинству реалий и процессов политического, социально-экономического и этноконфессионального характера они проявляют завидное единодушие. Но, во-первых, они не ученые-аналитики, а во-вторых, они все же делают упор на материале, знакомом им по личной сфере деятельности, там, где они специалисты и эксперты, которым можно верить. И, наконец, они по-человечески более объективны и менее ангажированы, чем специалисты – политологи, экономисты, социологи и т. п.

В этот же период появляется и в последующие десятилетия приобретает все большее значение новая для Аравии группа источников, включающая сборники документов, справочники,

статистические материалы, периодическую печать и т. п. [71; 73; 75; 76]. Разумеется, такие источники требуют применения особых приемов критического анализа. Пресса и статистика, как правило, ангажированы и подлежат строгой цензуре, поэтому желательно сопоставление приведенных там сведений с данными других западных источников (в частности, ООН, ЮНЕСКО), прессы других арабских стран, например [69; 70; 72], а также оппозиционной прессы (например, иракского органа саудовских оппозиционеров [74] или органа саудовской компартии [75]).

Особая специфика у арабских источников. Например, рассматривая теологическую и ритуальную основу ваххабизма, не обойтись без работ самого вероучителя [12–16], его последователей [17–19] и противников, придерживающихся разных исламских направлений и взглядов, – суннитов, шиитов, современных «модернизаторов» и т. д. [20; 26; 29 и др.].

Заканчивая вводную часть, хотелось бы отметить, что еще три десятилетия назад ваххабизм представлял для общественности лишь академический интерес. Начиная с 1990-х гг. ситуация резко изменилась. Распад СССР, война в Заливе 1990–1991 гг. способствовали падению авторитета и популярности светских, прежде всего просоциалистических, режимов на Востоке и особенно в мусульманском мире. Зато пышным цветом расцвели многообразные радикальные и террористические исламские движения. Ваххабитам теперь уделяется особое внимание, хотя их роль в современном исламе явно преувеличена. В любом случае попытка изучения основ теологии, ритуалов, ваххабизма, особенно на его родине и сквозь призму борьбы с «неверием» и язычеством аравийского кочевья, не может быть лишней.

Глава I

Аравийское кочевье в прошлом и настоящем

Племена в прошлом (донефтяной период)

Особенности географической среды Аравии, издавна замкнувшей земледелие в рамках группы оазисов и тем самым предоставившей широкий простор развитию скотоводства, определили существование нескольких типов скотоводческой специализации и соответственно вариантов кочевничества.

Важнейшее место в жизни кочевого населения страны занимало верблюдоводство. Будучи едва ли не самым универсальным из всех домашних животных, верблюд находил у бедуинов самое разнообразное применение. Его молоко, мясо и жир шли в пищу, шерсть – на изготовление тканей, шкура – на выделку бурдюков и обуви, навоз – на топливо. Кроме того, в условиях Аравии верблюд являлся единственно пригодным средством передвижения. В то же время, вплоть до Второй мировой войны, верблюд оставался и важным транспортным средством, и тягловой силой в землях как Аравии, так и соседних стран Ближнего Востока [91, с. 36].

Вторую группу скотоводов составляли кочевники, основой хозяйства которых было разведение мелкого рогатого скота. Хотя кочевое овцеводство так и не получило в Аравии такого широкого развития, как в Ираке, Сирии, Иордании и Палестине, из-за недостатка травяных пастбищ и скудности водных ресурсов, однако довольно большое число овцеводов насчитывалось в Неджде, Касyme и Джебель-Шаммаре, а овцеводов – главным образом в горных долинах Хиджаза. Овцеводством занималась большая часть кочевников Восточной Аравии, кроме того, в определенные сезоны в пустыни Северной Аравии перекочевывали скотоводы с берегов Евфрата, Хабуре и Иордана.

В жизни полукочевников овца (реже коза) играла почти такую же роль, как верблюд в жизни бедуина. Овцы давали молоко, масло, мясо, шерсть, кожу; за овец и продукты овцеводства полукочевники получали необходимые изделия и сельскохозяйственные продукты [91, с. 42].

Разумеется, не всегда кочевые племена были сколько-нибудь однородными в хозяйственном отношении. В ряде случаев одни подразделения племени занимались верблюдоводством, другие – в основном разведением овец и коз. В одном и том же племени часть хозяйств занималась преимущественно скотоводством, другие – земледелием, а некоторые хозяйства были целиком оседлыми. Направление хозяйства той или иной группы кочевников зависело от условий принадлежащей им территории – характера пастбищ, рельефа, обеспеченности водой.

Накануне обнаружения нефти и проникновения в страну иностранного капитала феодальные отношения в значительной степени вытеснили и продолжали вытеснять сохранившиеся остатки как патриархально-родовых, так и патриархально-рабовладельческих и рабовладельческих отношений. Тем не менее полностью дофеодальные уклады вытеснены не были. Сосуществуя и переплетаясь с господствующим феодальным укладом, они продолжали играть довольно большую роль в общем комплексе общественных отношений, причем эта роль была неодинакова в среде кочевого, полукочевого и оседлого населения.

Остатки патриархально-родовых отношений в Аравии были настолько значительны, а в среде кочевых племен вместе с тем и настолько ярки, что в западноевропейской науке возникла тенденция идеализации аравийского племени как образца всеобщего равенства и демократии. Однако эта модель имела мало общего с равенством и демократией первобытных племен.

Родоплеменная структура кочевников была достаточно сложна и в рассматриваемый период может быть представлена следующим образом:

1) отдельная семья из 5–6 человек, обитателей одного шатра и носящая имя своего главы – отца семейства;

2) группа из нескольких, обычно 3–4, отдельных семей, образовавшихся в результате выделения взрослых и женатых сыновей. Иногда, в особенности у кочевников, такая группа обладала более или менее нераздельным имуществом и, следовательно, сохраняла характер большесемейной организации. Однако обитатели каждого шатра владели собственным стадом и вели собственное хозяйство. Связи между отцом и его выделенными сыновьями носили не столько экономический, сколько организационный характер;

3) небольшая родовая группа, состоявшая из близких реальных родственников, еще помнивших, а в старейшем поколении иногда и лично знавших своего общего предка, давшего имя всей группе. Для наименования такой группы нередко употребляется термин «хамсати» (от арабского слова «хамс» – пять), представляющий особый интерес ввиду наличия сообщений о том, что данная группа в основном состояла из родственников до пятого колена. Подобные организации существовали как у кочевого, так и у оседлого населения Аравии. С одной стороны, это была небольшая внутриродовая группа, а с другой стороны, о чем будет говориться дальше, строго определенный коллектив родственников, отвечавших за кровомщение;

4) широкая родовая группа, образованная родственниками различных степеней родства. Род владел некоторыми видами коллективной собственности, члены его, хотя и в меньшей степени, чем члены хамсати, были объединены традициями взаимопомощи и взаимответственности. Род имел своего старейшину – шейха, иногда даже военачальника – акида и толкователя обычного права – ариффа. У каждого рода было свое имя, восходящее к имени предка, свое знамя, военный клич, а часто и расположенное в районе летовки родовое кладбище с могилами, помеченными родовой тамгой. Род адаптировал чужаков, принимал от них «жертву входа» и объявлял их своими членами «по имени и по крови», помогал им и отвечал за них. Род же исключал из своей среды нежелательных людей, объявляя о своем отказе считать их своими членами;

5) подплемя – группа родов, в одних случаях, связанных лишь генеалогически – воспоминанием об общем происхождении, в других – объединенных также и в политическом отношении. В последнем случае подплемя всегда имело общего шейха, которым был глава самого крупного и сильного рода;

6) племя – важнейшая ячейка общественной организации кочевников, чаще всего носившая название «кабила». Каждое племя обладало своей территорией, некоторыми диалектными особенностями и особенностями культуры. Все соплеменники считали себя дальними родственниками, происходящими от реального или легендарного предка. Так же как и род, племя имело свою тамгу и военный клич. В каждом племени, наряду с шейхом, имелся акид, один или несколько ариффов;

7) группировка племен также в большинстве случаев носила название «кабила». Она включала племена – частью родственные, частью объединившиеся в военно-политических целях. Как и племя, группировка племен обычно имела и этнический, и политический аспекты. Первый выступал в наличии общей территории и диалектико-культурных особенностей, второй – в наличии особых норм обычного права, регулировавших отношения между братскими племенами и их отдельными членами. Границей племенных территорий служили вади, цепи холмов, скалистые края, караванные пути, колодцы; там, где это представлялось возможным, границы помечались общеплеменной тамгой. Пользоваться чужими пастбищами разрешалось союзным или же просто дружественным племенам в определенные сезоны и за определенную мзду. Нередко бедуинские племена считались коллективными владельцами обрабатываемых земель, сданных в аренду африканским вольноотпущенникам или арабским феллахам.

Важную роль в традициях аравийских племен играла взаимопомощь в покрытии расходов, связанных с ритуальными обрядами, и в гостеприимстве. Особое значение имела родовая взаимопомощь в практике как самого кровомщения, так и выплаты за убийство или увечье [91, с. 63–64].

Остатки оказания родовой взаимопомощи сохранились и в повседневном быту бедуинов. Когда кто-либо из состоятельных кочевников резал верблюда, часть мяса он по обычаю должен был раздать «родственникам и друзьям».

Было принято, чтобы по праздникам шейх угощал сородичей; если же он и его семейство не хотели прослыть скрягами и лишиться популярности, они должны были время от времени делать небольшие подарки (рубаша, кусок материи и т. п.) своим малоимущим сородичам.

Что касается организации власти, то в этой части общественной жизни также удерживался ряд ярких пережитков патриархально-родового строя или, точнее, его последнего этапа – военной демократии. На протяжении всего описываемого периода высшим органом власти в роде и племени оставался меджлис, где при желании мог выступить любой член племени: формально сохранялись принцип выборности шейхов и архаическое разделение должностей старейшины и военачальника; судья при разборе дел, как и тысячелетие назад, ссылаясь на дедовские адаты; власть племенных магистратов была лишена каких-либо пышных атрибутов, а общение шейхов и бедуинов – ярко выраженного неравенства.

Остаются до конца невыясненными фактические формы наследования шейхского титула, зачастую имевшее место в политической жизни аравийских племен. Иногда после смерти отца шейхом становился старший сын, иногда же избирался младший с назначением опекунов из числа его взрослых родственников.

В области идеологии выразительным пережитком патриархально-родового строя было представление об общности происхождения и прочно удерживающийся культ мужских предков.

Равнодушно относясь к большинству предписаний ислама, кочевники неукоснительно соблюдали обычаи и обряды, связанные с культом родоначальников. У священных могил мифических предков совершались жертвоприношения. У предков просили заступничества перед Аллахом и дарования побед в межплеменных войнах. В своем культовом значении священные могилы предков, так же как и маркабы – знамена племен, перевозимые на верблюдах и также требовавшие жертвоприношений, носили еще пережиточно-тотемный характер (подробнее см. в главе III).

Ранее уже говорилось о сохранившихся у кочевников остатках патриархально-родового строя. Однако есть свидетельства и о продолжавшемся процессе их разложения. Одним из показателей распада рода была утрата им не только классических, но и позднейших поколенных форм экзогамии. Уже в эпоху становления ислама в Аравии преобладали ортокузенные браки, хотя и сохранялись ощутимые следы бывших экзогамных порядков.

Ортокузенный брак, до настоящего времени распространенный в арабских странах, еще в начале XX в. был господствующей формой брака среди всех слоев населения Аравии. Обычное право, запрещая (как и Коран) браки между отцом и дочерью, племянником и теткой, сыном и разведенной женой или вдовой отца, отцом и разведенной женой или вдовой сына, зятем и тещей, сводными и молочными братьями и сестрами, прямо предписывало браки между ближайшими дозволенными родственниками по отцу. Предпочтительным супругом считался первый ортокузен, в случае его отсутствия право на девушку переходило ко второму, третьему и другим ортокуzenам. Отказаться от брака мог мужчина, но не женщина: в случае отказа законной невесты ортокузен был вправе забрать ее силой и даже убить. Посторонний соискатель должен был испросить согласия законного жениха и уплатить ему «отступные». Наконец, важной экономической особенностью было то, что при таких браках выкуп за невесту не брался вовсе либо был очень незначительный.

В связи с изучением этой формы брака у племени банту немецким ученым Крюгером была высказана мысль, что в основе его лежит стремление сохранить выкуп за невесту в пределах одной большой семьи, а Д. А. Ольдерогге отметил, что ортокузенный брак возникает в результате обособления внутри рода большесемейной собственности. Таким образом, семья экономически противопоставила себя роду, из чего прямым следствием является разрушение последнего, распад родовой организации [91, с. 87].

О далеко зашедшем процессе разрушения родového единства свидетельствовал также поколенный принцип кровомщения, открывший широкие возможности для быстрого распада родовых связей. Внутри рода, как мы уже упоминали, допускались кровная месть и материальное возмещение за кровь. Кровники, которых вынуждали оставлять родовые кочевья, надолго, а то и навсегда оседали в соседних племенах, разрывая тем самым родоплеменные общности. Сородичи, как мы уже видели, стремились постепенно сужать установленный обычаем круг ответчиков за кровь, и многие племена значительно в этом преуспевали. Но модифицированным, «облегченным» нормам обычного права следовали с большой неохотой, а часто и совсем переставали следовать. Особенно заметно разложение родového единства было в тех случаях, когда дело не касалось отношений с внешней средой. Весь род нес материальную ответственность за долг любого из своих членов кредитору-иноплеменнику, но кредитору-соплеменнику должник был обязан уплатить своими силами [Там же, с. 84].

Распад общественно-экономического единства рода наложил свою печать и на сам характер родоплеменной организации. Существенным показателем ее модификации и разрушения была неустойчивость терминов, применявшихся самими кочевниками для обозначения понятий «род», «племя», «под-племя» и т. д. В самом деле, если, например, термин «ашира» зачастую без разницы применялся и к племени, и к подплемени, и к различным родовым группам кочевников, то это могло быть следствием лишь утраты родом и племенем их древних классических функций. За неустойчивостью терминологии стояла прежде всего изменчивость, динамичность самой родоплеменной структуры, отдельные звенья которой с ростом или убылью населения сравнительно быстро меняли свое реальное содержание [59, с. 52].

По существу, в кочевых и особенно в полукочевых племенах Аравии шел процесс перехода от родовых связей к территориальным. Роды постепенно превращались в соседские общины. Их члены еще пытались как-то сохранить, а в некоторых случаях и искусственно возродить привычную родоплеменную организацию, но они уже с трудом могли доказать действительно существующее между ними родство.

Принято считать, что в землевладельческих оазисах Аравии патриархально-родовой строй подвергся несравненно более глубокому разложению, нежели в среде кочевых племен. В общем, это положение правильно, но следует учитывать, что разрушение родовых традиций было неравномерным в различных районах страны и разных сферах жизни населения.

Все оседлое население Аравии тогда претендовало (как, впрочем, и сейчас коренные жители страны продолжают претендовать) на принадлежность – иногда действительную, а чаще всего мнимую – к тому или иному кочевому племени.

В некоторых случаях такие претензии носили вполне реальный характер. Это тогда, когда оседлые жители принадлежали к числу сравнительно недавно осевших бедуинов и продолжали поддерживать со своими кочевыми соплеменниками хозяйственные, военные, брачные и прочие связи. В этих группах населения сравнительно долго поддерживались патриархально-родовые обычаи и нравы. Так, многие жители Неджда причисляли себя к выходцам из ныне кочевых племен давабир, субаи и др., жители Джуббы – к осевшим руалла, а жители Табука претендовали на родство с бану сахр [91, с. 37].

В тех случаях, когда население оазисов состояло из потомственных феллахов, обязательно выдвигалась версия о принадлежности к некогда знаменитому, древнему, но давно уже перешедшему к полной оседлости кочевому племени. Конечно же, в большинстве случаев

имели место не реальные потомственные связи с теми или иными племенами, а генеалогические фикции, к которым широко прибегали оседлые жители, дабы утвердить и подчеркнуть «благородство» своего происхождения.

В действительности этот тип населения совершенно не знал родоплеменной организации, подобной организации кочевников. Реально сохранялись лишь большая семья и сравнительно небольшая группа близких родственников, которая в нашей этнографической литературе часто называется патронимией.

Племена в постнефтяной период

С момента обнаружения нефтяных залежей в аравийских монархиях и вызванной этим экспансии капиталистических отношений появились новые факторы, ускоряющие разложение родоплеменного строя в среде арабского кочевья. Современные социально-экономические реалии жизни бедуинов проявляются теперь в более широком масштабе международного капитализма, где кочевое хозяйство занимает в настоящее время периферийное и маргинальное место придатка.

Бурная урбанизация аравийских обществ сопровождалась постепенным разложением племенной организации. Но это не означало исчезновения самих племенных связей, которые сохраняют свою живучесть и по-прежнему определяют положение человека в обществе, его социальный статус. Тем не менее экономический стимул нефтяного развития оказался эффективнейшим катализатором в вековом процессе оседания кочевников на землю или миграции их в города. Этот процесс имел свои отличия в каждой из рассматриваемых стран. В то время как в Эмиратах почти завершился процесс урбанизации, в Саудовской Аравии еще треть населения живет вне городов, а на занятых в мелкотоварном земледелии, рыболовстве, а также в кочевом скотоводстве приходится 17–20 %. В Омане, где добыча нефти началась позже и достигла меньших размеров, их доля также значительна [75 а, с. 86].

В силу обозначенной ситуации положение современного аравийского кочевья будет рассматриваться на примере Саудовской Аравии. Во-первых, потому что саудовское кочевье наиболее значительно как в абсолютных, так и в относительных показателях; во-вторых, именно там сложилась наиболее сложная и противоречивая картина противодействия различных тенденций.

Правительство Саудовской Аравии, уделявшее в последнее время большое внимание проблемам кочевых племен, в своих официальных документах второго плана развития на 1975–1980 гг. следующим образом охарактеризовало жизнь и экономику бедуинов в постнефтяной период:

- низкий подушевой доход по сравнению со средним по стране;
- сильный упор на скотоводство как основной источник доходов;
- почти полная зависимость от милостей погоды в выращивании овец и рогатого скота;
- быстрое ухудшение земельных зон в большинстве районов, в основном из-за сильных потрав пастбищ.

В документах плана поясняется, что у бедуинов сложная высокоразвитая социальная, экономическая и юридическая система, которая приспосабливается к различным изменениям многие сотни лет. Тем не менее темпы изменений, касающихся остальной части населения королевства, были в последнее время столь высоки, что экономический и социальный разрыв между бедуинами и остальным населением резко увеличился и продолжает расти. Отсюда вытекает, что для улучшения жизни этой категории населения требуются специальные программы, основанные на реалистической оценке нужд и меняющейся социальной и экономической роли бедуинов. Недостатка в социальных программах и планах не было. Еще в конце 1960-х – начале 1970-х гг. правительство разработало общий план решения бедуинской проблемы на следующей основе. Роль государства, указывается в нем, оказывать помощь бедуинам, развивать животноводство, а не перебрасывать население в города. Это означает поднятие жизненного уровня бедуина до жизненного уровня горожанина, принятие мер по оказанию помощи в овладении необходимыми знаниями и опытом, которые помогут ему впоследствии овладеть какой-либо специальностью. План предусматривал развитие пустыни как основу решения бедуинской проблемы и включал в себя несколько конкретных проектов, которые носили названия местностей, где они должны были осуществляться. Крупнейший из них –

проект Харадж имени короля Фейсала. Район его расположен между грядой гор Дахла и оази-сами Эль-Харадж и Эль-Джива на юго-западе королевства, где издавна обитало племя Мурра. Министерство сельского хозяйства разделило начальную стадию этого проекта на три этапа. Первый предусматривал организацию экспериментальной формы в пустыне на площади в 100 акров; второй – создание учебного центра по сельскому хозяйству; третий – освоение 10 000 акров в этом же районе пустыни, с тем чтобы занять там 1000 бедуинских племен [79, с. 36].

Задачами экспериментальной станции и учебного центра было проведение научной работы по выявлению наиболее приемлемой культуры (будь то техническая, продовольственная сельскохозяйственная культура, овощи или фрукты) для дальнейшего ее выращивания в этом районе, а также исследований по возможности разведения здесь какого-либо вида домашнего скота.

Предполагалось, что осуществление начальных стадий проекта займет от двух до пяти лет и будет завершено еще в течение второго пятилетнего плана развития.

На основе технических и финансовых возможностей проекта на втором этапе намечался подъем 60 дунамов земли (1 дунам – приблизительно 0,1 га) с целью поселения там более 3 тыс. семей общей численностью около 25 тыс. человек. Каждой семье предполагалось выделить участок земли в 20 дунамов. Каждый участок предусматривалось обеспечить водой из центральной системы артезианских колодцев, от которых отходит система каналов.

На этих же принципах предполагалось осуществление проектов Джибрил и Сирхан [79, с. 38].

Однако срок действия второго плана развития давно уже истек, но ни одной специальной программы, направленной на улучшение экономического положения бедуинов, так и не было принято (за исключением программы субсидирования роста поголовья скота), а так называемый общий план вместе с его составными проектами был отменен. Так, спустя несколько лет деньги, отпущенные на проект имени короля Фейсала, в Харадже были переданы иностранной (ирландской) компании для создания на этом месте капиталоемкой современной фермы на основе дележа прибылей с правительством.

Принадлежащие бедуинам стада верблюдов, овец и коз – важный элемент хозяйства в тех районах Саудовской Аравии, где отсутствует нефть. В последние годы правительство королевства осознало, что принадлежащий бедуинам рогатый скот является важным ресурсом страны и что этот сектор экономики должен поощряться и развиваться [80, с. 8].

Основной и пока единственной программой, осуществляемой правительством в этом направлении, остается программа денежных субсидий Министерства сельского хозяйства и водных ресурсов, согласно которой правительство ежегодно выплачивает владельцам пособия в размере 30 риалов за овцу и 50 за верблюда. Целью этой программы, введенной после суровых засух конца 1960-х гг., когда отмечался массовый падеж скота, является помощь и поощрение бедуинов в восстановлении их стад и гуртов.

Денежная стоимость принадлежащих бедуинам овец и верблюдов достаточно высока. Так, годовалая овца стоила в конце 1970-х как минимум 300 риалов (около 80 долл.), а иногда цена ее достигала и 600 риалов (около 150 долл.). Минимальная цена среднего взрослого верблюда – 3 000 риалов (около 800 долл.), а есть породы беговых быстрых верблюдов и дающих особо высокие удои молока, цены на которых достигают 20 тыс. риалов (около 5 000 долл.). Бедуины, однако, не занимаются регулярной продажей своих животных. Вместо потребления значительной части имеющегося в ее распоряжении мяса Саудовская Аравия вынуждена импортировать его. Таким образом, констатируется в официальном издании Министерства финансов страны, современные города королевства не потребляют сколько-нибудь значительной части избыточной продукции, имеющейся у бедуинского сектора населения. Поставка мяса и других животноводческих товаров в города никогда не была традиционным занятием бедуинов [9, с. 13] и не является им сейчас.

Характеризуя прошедший период до создания государства и открытия там нефти, можно говорить о том, что производству этой так называемой избыточной продукции, помимо всегда сопутствующего животноводству капризов природы и болезней животных, препятствовали налеты и межплеменные стычки, часто отвлекающие бедуинов от скотоводства. В последние десятилетия произошло несколько относящихся к кочевому скотоводству важных изменений. Одно из наиболее существенных состояло в передаче всех пастбищ в общественные королевским указом от 9 октября 1953 г. [71]. Этот указ разрушал старинную традицию, по которой каждое племя имело исключительные права на выгон на определенной территории, охраняемые их военной мощью. Все пастбища, таким образом, стали открыты для всех желающих – право, поддержанное полицейскими силами национального правительства (указ от 3 июня 1965 г.) [76].

Другим важным фактором, способствовавшим более интенсивному использованию водных ресурсов, стало бурение принадлежащих государству колодцев в пустыне. Это привело к тому, что бедуины более не привязаны к пастбищам, где они имеют традиционное племенное право на водные ресурсы. Наконец, широкое использование автотранспорта для перевозки животных и имущества на новые выгонные места означает, что бедуины стали куда более мобильны, чем раньше.

Следствием этих нововведений стало то, что, когда в какой-либо области идет дождь, большое число бедуинов независимо от их племенной принадлежности направляются в этот район со своими стадами и интенсивно пасут их там, пока не придут вести о дожде в другом районе. Тогда они грузят свои стада и семьи на грузовики (иногда свои, но чаще взятые на прокат) и снимаются с места.

Единственным сохранившимся элементом от прежней практики скотоводства и миграции осталось возвращение большинства семей и стад на свою прежнюю племенную территорию летом, где расположены по традиции принадлежащие их племенам колодцы. Однако они реже, чем раньше, скапливаются вокруг колодцев, а держат свои стада и семьи рассеянными по пастбищам и перевозят им воду [81, с. 27].

В результате таких непланируемых, спонтанных и частичных усилий по модернизации со стороны как правительства, так и бедуинов происходит разрушение пастбищ в результате излишнего выпаса и автомобильного движения, причем страна по-прежнему не получает даже краткосрочных выгод по части роста предложения собственного мяса.

Королевский указ о передаче всех пастбищ в общественное пользование был частью попыток правительства заменить традиционный закон обычного права исламским законом шариата централизующегося государства.

Главной задачей в то время было положить конец вооруженным межплеменным конфликтам, так как права, которые племена предъявляли на пастбищные земли, обычно поддерживались их собственной военной силой и были одной из важнейших причин, лежащих в основе всеобщих стычек, противодействующих консолидации нынешнего государства. Хотя это и не входило в планы законодателей тех времен, данный указ проложил дорогу к открытому и неуправляемому использованию пастбищ по всему королевству. Развитие современных водных ресурсов (бурение артезианских скважин, создание небольших водохранилищ) рассматривалось как правительством, так и самими бедуинами как основной путь улучшения их жизненного уровня и приобщения к плодам современной технологии. Аналогичным образом предоставление субсидий и льготных займов для покупки цистерн рассматривается как распределение части денежных ресурсов королевства среди слоев населения с крайне низким подушевым денежным доходом и одновременно стимулирование населения к увеличению поголовья своих стад [95, с. 45].

Никто, однако, не мог предвидеть в правительстве, что подобные нововведения приведут к резкому повышению интенсивности использования пастбищ бедуинами и связанному с

этим падежу скота от болезней. При этом значительного возрастания избыточного поголовья и передачи его в национальную экономику не произошло.

Во время Второй мировой войны, а особенно в период послевоенного широкого ввоза иностранного капитала, возникновение промышленного производства в городах, а также общий кризис кочевого хозяйства, казалось бы, должны были подготовить почву для широкого притока кочевников в города. Однако этот процесс, действительно имевший место вначале, оказался очень болезненным, особенно для бедуинов из верблюдоводческих племен. Причины – принцип их социальной иерархии, идеи особого благородства и превосходства воинственных бедуинов над полуоседлым и оседлым населением, всемерно культивировавшийся на протяжении веков.

Правители Саудовской Аравии понимают, что размыв родоплеменных отношений может стать угрозой для существования династии. Проникновение американского капитала в крупные концессионные платежи предоставили королевскому дому новую возможность для привлечения на свою сторону кочевых племен. Это многочисленные субсидии, распределяемые среди бедуинов при посредничестве шейхов племен. Эти субсидии поставили кочевников в зависимое положение от королевской щедрости. В интересах поддержания спокойствия династии субсидии регулярно увеличиваются. К сожалению, ничего нельзя сказать о размерах этих субсидий, так как правительство Саудовской Аравии никогда не приводило эти цифры в своих документах. Но, по данным Г. Липски (G. Lipsky), в 1954–1955 гг. они составляли 27 млн риалов, а в 1960–1961 гг. – 192 млн риалов, или 12,8 % государственного бюджета того года [96, с. 136, 202].

В этом же духе приобрела иную окраску старая традиция, по которой вокруг Эр-Рияда постоянно разбивали свои палатки большое количество бедуинов, которые прибывали туда для переговоров о своих нуждах с королем и решения своих спорных вопросов. Все они считались гостями короля и снабжались пищей из общественных кухонь. В настоящее же время тысячи семей бедуинов устремляются теперь к Эр-Рияду и другим городам не столько ради решения спорных вопросов, сколько ради получения продовольствия, денежных подачек и иногда подыскания временной работы в городах [96, с. 161].

В этом свете интересно рассмотреть изменение роли и статуса шейхов племен, произошедшее в последние три десятилетия.

Как уже упоминалось, важность племени как социально-политико-экономической единицы Саудовской Аравии в значительной степени была утрачена, уступив место возникающему национальному обществу и культуре. Контроль племен над выгонами и миграцией был в значительной степени подорван королевским декретом 1953 г., который легально открыл все пастбища любому желающему независимо от племенной принадлежности, развитием современной системы водных ресурсов, находящихся в ведении государства, а также приобретением многими бедуинами автотранспорта, что дало им большую мобильность, чем когда-либо ранее.

Кроме того, племя утратило и политическое значение, потому что правительство управляет районом на основе административных единиц, а не племенного деления. Сельские местности, в которых проживают бедуины, управляются правительственными чиновниками, которые находятся на службе Министерства внутренних дел. Большинство из них – выходцы из племен, но нередко среди них попадаются выходцы из шейхских семей. А уж они во всяком случае являются выходцами из другого племени, нежели то, которое преобладает в управляемом ими округе. Основные их обязанности включают в себя поддержание законности и порядка и редко имеют что-либо общее с модернизаторскими усилиями правопорядка. Роль же самих традиционных племенных вождей резко изменилась и может быть представлена двумя разновидностями [95, с. 36].

Первая и наиболее многочисленная категория племенных вождей образует ныне имущественную и социальную элиту внутри своего племени и больше занимается улучшением своего

экономического положения и устройством своих сыновей и племянников на офицерские посты в Национальной гвардии («белой армии») или на работу в полицию, нежели общей политикой и руководством племени или проведением модернизаторской политики среди своих соплеменников.

К другой категории относятся выходцы из самых известных шейхских семей, предки которых были вождями таких наиболее могущественных племен, как бану тамим, аль-мурра и племенных союзов. Еще в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. они вместе с своими семьями переехали на постоянное жительство в Эр-Рияд и другие города. Авторитет, которым они пользовались, будучи независимыми владельцами в племени, заменяется престижем придворного, поддерживаемым денежными суммами, получаемыми за преданность королю, и иногда назначением на определенный пост в государственном аппарате (так, шейхи племени аль-мурра постоянно занимают высокие посты в Национальной гвардии, основной контингент которой состоит из выходцев того же племени). Эта категория шейхов, так же как и первая, давно уже не имеет отношения к руководству своего племени или племен, но в поддержке правительства они приобрели новый авторитет своей власти. В них бывшие соплеменники видят уже не столько главу своего племени, сколько представителей централизованного государства, при посредничестве которых им перепадают денежные пособия от правительства [95, с. 58].

Такой же практики придерживаются остальные правящие семейства при формировании своих воинских и полицейских подразделений. В начале 1980-х гг. общая численность этих служб в странах составляла около 200 тыс. человек, или примерно 5 % всего экономически активного населения этих стран. О многом говорит факт, засвидетельствованный в переписи населения Кувейта: состав полиции на 97 % состоит из кувейтцев, сохраняющих (пусть при оседлом образе жизни) свою племенную организацию. Интересна также ситуация в Омане. Раньше, еще по традиции, продолжающейся с XVIII в., значительная часть рядового состава оманских вооруженных сил рекрутировалась из белуджей. В 1970–1980-е гг. среди рядового состава увеличилось число выходцев из племен, проживающих на территории страны. При этом власти продолжают старую политику противопоставления одних племен другим. Армейские и полицейские контингенты пополняются среди четырех привилегированных племен, главные из которых Хавосина и Бени-Умр [80, с. 89; 75 а, с. 89–90].

Таким образом, несмотря на объективные условия, способствующие дальнейшему разложению родоплеменного строя, субсидии, распространяемые среди бедуинских племен, до известной степени замедляют разорение аравийского кочевья и массового обнищания кочевников, не способствуя в то же время, подобно выплатам на увеличение поголовья, развитию кочевого скотоводства в целом. Такие податки королевского дома лишь искусственно препятствуют массовому обнищанию бедуинов и субъективно способствуют консервации родоплеменного строя в аравийском кочевье.

Еще один способ торможения распада родоплеменных отношений – это возрождение роли института ихвана, или так называемой белой армии, полностью формирующейся из бедуинов. Тем самым правительство преследует двойную цель. Во-первых, рост буржуазии, рабочего класса и распространение среди офицеров регулярной армии антиимпериалистических и радикально-фундаменталистских настроений, а также недовольства существующим режимом заставили правящие круги Саудовской Аравии, начиная с 1950 г., обратиться, по словам Чини, «к испытанному оружию – фанатизму племен». Чини, рассматривая причины возрождения ихвана, отмечал: «Создание опасности и недоверие к тем, кто сейчас окружает короля, привело к возрождению ихвана, который был ударной силой ваххабизма в первые дни власти Сауда. Король доверяет больше своим иррегулярным бедуинским войскам, чем хваленной регулярной армии» [39, с. 286].

Расходы на «белую армию» растут из года в год. Она вооружена современным оружием, почти столь же многочисленна и лучше обеспечивается, чем регулярная армия. Столь крупные

затраты стали возможны для правительства Саудовской Аравии лишь благодаря баснословным концессионным отчислениям иностранных нефтяных компаний, а впоследствии – прямым доходам от нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности.

Части «белой армии», иначе Национальной гвардии, дислоцируются главным образом вблизи больших городов, в районах нефтепромыслов, у главных дорог, с тем чтобы муджахиды – так называют бойцов бедуинского ополчения – были всегда под рукой на случай волнений в городах или на нефтепромыслах, но достаточно далеко, чтобы не соприкасаться с населением, не оказаться под его влиянием и не растерять часть своего фанатизма, разуверившись в «трех китах», на которых он покоится: религиозных устоях, заставляющих отрицать любые прогрессивные влияния; преданности королевскому дому; слепой убежденности в своей исключительности и превосходстве над остальным населением страны [91 в, с. 16–17].

Итак, возрождение ихвана имело целью создать прослойку людей, полностью зависящих от короля и фанатично преданных престолу. «Белая армия» используется против освободительного движения, служит противовесом регулярной армии на случай, если прогрессивные идеи проникнут в ее офицерский состав, против любых поборников ликвидации режима. Это привело к тому, что все народные волнения в Саудовской Аравии подавлялись очень жестоко (например, забастовка 1960 г.), преследовались все, кто выражал хоть малейшее недовольство существующим режимом.

Вторая цель, преследуемая правительством, – это стремление занять часть разоряющихся бедуинов, предотвратить возможное недовольство и тем самым способствовать сохранению пережитков родоплеменного строя в аравийском кочевье, не раз бывшего верным оплотом королевского дома.

Следует также сказать несколько слов о положении рядовых бедуинов в общественной иерархии страны. Это положение отличается некоторой двойственностью, вне зависимости от того, как высоко оценивают себя сами бедуины. С одной стороны, нынешняя правящая элита Саудовской Аравии, Саудиды – выходцы из одной из важнейших племенных конфедераций в Неджде – аназа, родственной близостью с которой они весьма гордятся. Кроме того, у правящего дома есть серьезные основания, о которых уже говорилось выше, поддерживать и всячески питать самосознание бедуинов о своей исключительности и превосходстве. С другой стороны, большинство жителей страны в настоящее время считают их положение низким из-за их неспособности достичь чего-либо существенного в современном обществе. Обычно они рассматриваются более современными городскими слоями как одна из немногих групп в саудоаравийском обществе, которая не воспользовалась открывшимися возможностями.

Природно-климатические условия сохранения кочевничества. Ретроспектива

Рассмотренные выше примеры домонотеистических, языческих верований кочевников Аравии (как и всех других периферийных регионов мира) служат убедительным доказательством того, что исламская религиозная система не смогла уничтожить определенную часть древних обрядов и культов, господствовавших в эпоху джахилии. Хотя ислам является уникальной в своем роде религией, позволяющей неофиту считать себя правоверным мусульманином и сохранять определенную часть верований своих предков (явление синтеза ислама с языческими культами прослеживается во всем ареале распространения этой религии), однако основная причина существования доисламских верований у кочевников кроется не в этом; скорее ислам вынужден быть гибким, принимая во внимание огромную притягательную силу язычества.

В первую очередь, видимо, целесообразно будет рассмотреть то положение, в котором оказалось бедуинское общество к периоду Нового и с определенными оговорками Новейшего времени. Для этого надо вернуться на рубеж VI–VII вв. Площадь обрабатываемых земель Аравийского полуострова (за исключением Йемена) – места расселения подавляющего большинства оседлых жителей – по сравнению с площадью пустынь составляла одну тысячную всей территории Аравии [83 а, т. 1, с. 32]. Из более чем 7 млн жителей полуострова свыше 4 млн занимались земледелием (включая Йемен с его 3,5 млн жителей [Там же]) и 3 млн – вели по преимуществу кочевой образ жизни [Там же, с. 34]. За пределами Йемена, по расчетам О. Г. Большакова, могло проживать около 300 тыс. жителей, занимавшихся земледелием. Таким образом, бедуины составляли значительное большинство населения на территории, ставшей родиной ислама² [Там же].

Плотность кочевого населения в пустынях и полупустынях Аравии, Сирии и Ирака была выше, чем в Новое время. С этой массой кочевников уже не могла справиться система, которую условно можно назвать «системой равновесия»³. К первой ее части относятся обычай братства между бедуинами, практика оставлять в живых членов другого племени, разгромленного во время газва (эта практика была инстинктивно перенесена на людей, шедших в караванах, которые грабили бедуины, хотя те и не были кочевниками), своеобразная система покровительства и т. д.

Вторая часть «системы равновесия» – это равновесие с природой, экологией. Такое равновесие характерно для всех первобытных непродовольствующих обществ, а также для некоторых обществ с присваивающим хозяйством. Равновесие с силами природы требует либо неизменности производительных сил, орудий труда, низкого прироста населения, либо их очень медленного развития, практически стагнацию. Общества такого рода могли не изменяясь существовать тысячи лет.

В Аравии рубежа VI–VII вв. эта «система равновесия» была нарушена. В кочевом обществе появилось имущественное неравенство; в бедуинской среде зарождалось раннеклассовое общество. Примером нарушения равновесия, на наш взгляд, является образование государств кочевников – Лахмидского, Гассанидского, Киндитского; у Лахмидов и Киндитов, появились цари – малики, подвиги которых воспевали поэты [83 а, т. 1, с. 190–191]. Создание этих госу-

² Соотношение 3 000 000 : 300 000, конечно, приблизительное, однако факт численного превосходства кочевого населения над оседлым бесспорен.

³ «Система равновесия» состояла из двух частей – социального равновесия в обществе между его членами и равновесия с окружающей средой, природой.

дарств явилось первым шагом на пути подчинения огромной массы кочевников. Их развал объясняется невозможностью существования твердой авторитарной власти в среде кочевников⁴. На то есть несколько причин. Существование общества номадов определялось возможностями природной среды обеспечивать их хозяйство необходимыми ресурсами. «Недостаточность кормов и водных ресурсов ограничивала численность животных на той или иной территории и обуславливала невозможность концентрации скота сверх допустимого лимита ресурсов среды обитания. Именно поэтому скотоводческое хозяйство номадов существовало в виде множества относительно мелких по числу скота хозяйственных организмов» [83 а, т. 1, с. 21–22]. «Процесс концентрации скота, как правило, носил дискретный характер, поскольку в доиндустриальную эпоху существовал объективный предел, за порогом которого он спонтанно прерывался». Огромное стадо было невыгодно: животные быстро съедают весь корм, вынуждая увеличивать скорость перекочевов, что приводит к усталости стада и сокращению времени на восстановление кормов [Там же, с. 23]. Точкой динамического равновесия была плотность населения в 0,5–1 человек на 1 кв. км – так называемое дисперсное состояние [Там же]. У этих государств не было и такого мощного оружия, каким стал ислам для государства Мухаммеда (хотя ислам не спас от гибели Омейядов, погрязших в племенной вражде, унаследованной от джахилийи).

Определенному разложению подверглись и социальные устои, мораль, психология бедуинского общества. «Общим мотивом доисламской бедуинской поэзии V–VI вв. стало сетование на разрушение духовно-идеологических и морально-этических ценностей родового общества, его традиционных воззрений и обычаев. Обычными становятся обличение имущественного стяжательства, упреки на замену кровной мести выкупом или за пренебрежение требованиями кодекса родовой доблести (муруввы) и т. д. Устои родового общества теряли свой абсолютный моральный авторитет» [83, с. 133]. Мухаммед, по словам В. И. Баилова, «тосковал по тем разрушающимся устоям традиционной социальной морали родового общества, которые прежде обеспечивали чувство жизненной стабильности, защиту личных интересов человека, его безопасность и благополучие» [Там же, с. 13]. Пророк видел в обществе «эрозию социальных устоев, нарушение традиционного уклада и порядка общественной жизни», он стремился к «восстановлению социального равновесия» [Там же].

⁴ Тема межплеменной консолидации, создания какой-либо новой общности в доисламской поэзии [83а, т. 1, с. 135].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.